

*Л.Д.Гудков,
доктор философских наук,
ВЦИОМ*

Реформы и процессы общественной примитивизации

В ряде последних работ моих коллег, социологов ВЦИОМ, все чаще появляется тема "дегенерации политической сцены", слабости российской интеллектуальной и культурной элиты, оказавшейся не в состоянии ни рационализировать происходящие процессы, ни задать новые ценностные ориентиры и цели. Особенно заметным этот процесс стал после начала чеченской войны и массовой негативной мобилизации, о которой шла речь на прошлогодних заседаниях нашей секции. Вместе с Б.Дубинным мы рассматривали эти процессы на материалах электораль-

© Л.Д.Гудков, 2001

ного поведения в период избирательных кампаний по выборам в Государственную Думу и президента¹. Исчезновение политического многообразия, резкое сужение спектра программных выступлений различных партий и политиков, присоединение к президентской команде, провозгласившей в качестве собственных задач лишь укрепление государственной власти как таковой, т.е. самообеспечение новой номенклатурной клики, свидетельствуют о крайней пассивности и неразвитости гражданского общества, об институциональной невозможности артикулировать групповые интересы и представления, отсутствии механизмов подобной артикуляции. В качестве подобных механизмов можно было бы рассматривать деятельность депутатов или СМИ, а также клубы, специальную прессу и литературу, в которых в ходе публичных дискуссий, выступлений публицистов вырабатывалась тематика и упорядочивались те или иные общественно значимые проблемы. Однако в большинстве своем ни СМИ, ни депутаты не воспринимают себя в такой роли, да и требуемых ресурсов или компетенции у них нет. Депутаты фактически играют роль лоббистов заинтересованных корпораций отраслевого или регионального плана, а массмедиа опосредуют кулуарные интриги различных групп влияния. Отсюда — заметное падение интереса к печатным (т.е. обладающим наибольшими возможностями социальной рефлексии и критики) СМИ и рост популярности аудиовизуальных СМИ, особенности функционирования которых рассматривал Б.Дубин в своем докладе.

Среди опрошенных (декабрь 2000 г., N=1600 человек) 84% полагают, что не имеют возможности контролировать или как-то влиять на решения, принимаемые властью ("имеют такую возможность" лишь около 10%), причем, чем выше уровень образования, доход, запросы и пр., тем сильнее ощущение отчужденности от власти (в высокообразованных и высокодоходных группах, среди руководителей, специалистов и пр. — 93%), хотя сознание необходимости такого контроля признают 75%. Вместе с тем 55% респондентов полагают, что люди, стоящие у власти, озабочены только своим материальным и карьерным благополучием; по мнению 23% — это "честные, но слабые или некомпетентные люди", и только 10% уверены, что нынешнее правительство — "хорошая команда, подущал страну правильным курсом". Дистанцированность от руководства страны и негативизм в отношении к нему выше на краях социального поля — у самых бедных и наиболее обеспеченных. Такое отношение обусловлено двумя причинами: критическим отношением наиболее компетентных и информированных групп, с

¹ Эта как и большинство других работ, написанных по материалам ВЦИОМ, представляет собой фактически общую коллективную работу по программе "Советский простой человек", возглавляемую Ю.А.Левадой. В данном случае я лишь предлагаю некоторую часть этих разработок, ведущихся мной и Б.В.Дубиным.

одной стороны, и неудовлетворенными государственно-патерналистскими ожиданиями самых низкостатусных и бедных ресурсами — с другой.

Условное (полное или частичное) доверие сохраняется прежде всего к институтам наиболее простым в социальном плане и даже архаическим по своей структуре и традиционным символам, никак не связанным с современными процессами и ценностями, антизападным, если угодно, — армии (70%), в меньшей степени госбезопасности (57%) и церкви (61%) как квазиморальному носителю высших идеалов, а фактически — ценностному суррогату этнической общности "всех русских в качестве православных". Те же установления, которые должны обеспечивать функционирование гражданского общества — суд и прокуратура (48%), милиция (53%), профсоюзы (39%) и т.п. — по сути, находятся за чертой общественного доверия¹. Можно сказать, что гипертрофированное доверие к президенту (78%) — это перевернутое недоверие к остальным общественным структурам, инстанциям и публичным фигурам. Оно создано исключительно из негатива, по принципу отрицания нежелательного и неподвластного, отторжения от беспорядка в общественной жизни, балагана в политике и кровавой бессмыслицы в Чечне, отсутствия позитивной программы и содержательных идей, которые мог бы представлять новый политик. Из языка власти, а затем и социальной элиты ушла лексика социальных перемен, слова о нормальном (по западным образцам) обществе, вхождении в мировое сообщество и пр. Сегодня нет ни одной различимой и авторитетной группы, которые бы определяли себя подобными словами, связывали свою судьбу с соответствующими процессами.

На этом фоне становятся все более значимыми механизмы организации массовой поддержки становящейся все более неконтролируемой и авторитарной президентской власти. Механизмы массовой мобилизации (по существу, выполняющей лишь консервативные функции — удержать от распада разлагающуюся социально-политическую систему советского типа) актуализируются в России лишь в определенных ситуациях. Во-первых, когда нарастает дифференциация системы, в результате которой властная верхушка начинает терять контроль над происходящим; во-вторых, когда процессы упорядоченных изменений заблокированы интересами отдельных влиятельных групп или политической клиентелы. В-третьих, когда имеет место фактическая деградация профессиональной интеллектуальной элиты, не сумевшей стать кем-то еще, кроме как группой, обслуживающей режим бюрократии.

Программный тупик, отсутствие в стране позитивных идей и целей реального социального изменения вынуждает власть к провозглашению все новых и новых витков экстренной мобилизации в

¹ Мониторинг, 2000 г., сентябрь, N=2400 человек.

связи с необходимостью борьбы с консерваторами, угрозой гражданской войны, за счет ксенофобии и страха. С конца 80-х годов мы могли наблюдать несколько волн мобилизации и роста общественной солидарности. Это и перестроечная волна демократизации, и мелкие волны национал-популизма после начала гайдаровских реформ, и, наконец, чеченская волна, которой предшествовали первые после распада СССР негативные движения — антинатовская и антиамериканская истерия в связи с косовскими событиями. Каждый раз эти процессы предполагали персональную поддержку нового лидера нации в противопоставлении его старому, дискредитированному (раздвоение и разнесение по фигурам позитивных и негативных значений массовых самоопределений): М.Горбачев против старой номенклатуры — Е.Лигачева и секретарей ЦК; Б.Ельцин против М.Горбачева; В.Жириновский (новый тип протестного вульгарного национал-популизма) против демократов и реформаторов, против коммунистов и Запада; далее возникали кандидаты в новые лидеры — А.Руцкой, А.Лебедь, Б.Немцов, С.Кириенко, Е.Примаков и, наконец, В.Путин. Результатом мобилизационного подъема каждый раз становится не появление новых организационно-институциональных форм, а складывание своеобразной дезориентированной массы, консолидируемой лишь псевдохаризматическим лидером, который по существу эксплуатирует ностальгию по прошлому и не в состоянии задать новых ориентиров и программ развития. Потребность в таких лидерах очень велика, однако она свидетельствует о медленном, но необратимом разложении системы, лишь ускоряющемся в послемобилизационный период.

Структура мобилизации во всех случаях примерно одна и та же: 1) демонстрация экстренности и чрезвычайности ситуации, требующих особых мер, людей, решений, ресурсов действия; 2) навязывание безальтернативности определения ситуации ("нет других вариантов") и устранение иных возможностей поведения в проблемной ситуации, а соответственно, и устранение неподходящих, с точки зрения властей, агентов действия; 3) апелляция к периферийным в социальном плане группам и слоям населения, имеющим очень ограниченные культурные и информационные ресурсы, но зато выступающим в качестве хранителей рутинных символов и смысловых ресурсов предшествующих периодов, потенциалов державного и советского патриотизма и традиционализма; 4) начальная опора на чисто исполнительские группы и организации, обеспечивающие на первой фазе мобилизации заметный тактический успех, но затем теряющиеся и не способные решать проблемы системного порядка; 5) временное устранение или нейтрализация "болота", оттеснение его в резерв рутинного и пассивного повиновения, брюзжания, полуприкрытого недовольства.

Иначе говоря, любая волна мобилизации государственной поддержки начинается с актуализации отработанных старых симво-

лов, нагнетания угрозы общественному существованию и призыва к молодым, которые собственно и обеспечивают рост общественной поддержки. Затем к ним постепенно начинают, часто помимо воли и собственного желания, из чисто конформистских побуждений и интересов, присоединяться люди зрелых возрастов, и, наконец, волна спадает с того момента, когда от общего движения начинают отделяться, отпадать наиболее слабые и бедные, не могущие дальше существовать в ситуации требуемых лишений и жертв.

Во всех случаях имеют место два обстоятельства. Во-первых, разрешенный или назначенный номенклатурный или ведомственный лидер, присваивающий в результате необходимые ресурсы власти; во-вторых, объединение среднедовольных и сравнительно позитивно настроенных групп с наиболее периферийными и депривированными группами, которые в условиях крайней угрозы не желают лишиться последнего. Иначе говоря, происходит соединение консерватизма и новых ориентаций, разряжающее угрозу стабильности системы.

Данные систематических опросов позволяют зафиксировать определенную логику процессов относительного упрощения социального пространства и, соответственно, массовых представлений. Ее энергетикой можно считать существующие напряжения в общественном сознании, вызванные разрывом, с одной стороны, институциональных структур, а с другой — сферы микросоциальности, повседневности, частного существования с характерными для нее запросами и мотивами, разнонаправленностью этих силовых полей. У властных государственных (и государственно-экономических) корпораций, с одной стороны, и частных субъектов — с другой, разные и цели, и характер смыслового обоснования действий. Первые лучше организованы, упорядочены, рационализированы и рассматривают аморфную сферу повседневности, частной жизни как собственный ресурс; вторые, напротив, вынуждены расценивать институциональные нормы как внешние рамки своего поведения, примеряясь к ним, иногда — используя в своих нуждах, но не контролируя их. Поэтому основная проблема институциональных рамок социального порядка — отсутствие общих точек согласования интересов партнеров, обобщенных "социальных других", ориентация на которых и нормы взаимодействия с которыми могли бы конституировать другую массовую идентичность без снижения уровня запросов и отказа от достижения.

Антимобилизационным потенциалом (пределом экстраординарной и тотальной солидарности) становится минимум запросов и требований к выживанию, порог пассивной адаптации, после достижения которого начинается аморфное антимобилизационное сопротивление. Его агентами являются самые периферийные группы, к которым постепенно подтягиваются более образованные и активные контингенты, имеющие уже другие культурные и социальные ресурсы.

Поэтому чем дальше, тем сильнее проявляется связь между механизмами персонификации политики — волнообразными процессами выдвижения на первый план немногих политических лидеров — и обеднением, деструктуризацией общественного поля, негативным восприятием самой институциональной системы, усилением недоверия к структурам, организующим и упорядочивающим социальную жизнь, гарантирующим соблюдение норм массового взаимодействия. Чем выше уровень недоверия к этим организациям и институциям, тем большим становится декларативное выражение консервативных и ностальгических сантиментов.

Таблица 1

Назовите 5—6 политических деятелей России, которые вызывают у Вас наибольшее доверие)
(в % от числа опрошенных, Мониторинг, N=2400 человек)

Политик	2000 г						2001 г
	Январь	Март	Май	Июль	Сентябрь	Ноябрь	Январь
В. Путин	49	45	45	39	34	32	39
Г. Зюганов	17	21	17	15	14	15	14
С. Шойгу	13	8	5	5	5	4	6
М. Касьянов*	-		9	8	7	7	9
Е. Примаков	21	10	9	8	6	4	5
Г. Явлинский	11	16	8	7	5	7	5
С. Кириенко	11	7	4	4	2	4	3
Ю. Лужков	9	4	4	4	3	3	2
В. Жириновский	8	7	3	6	4	4	5
А. Тулеев	3	8	6	5	4	3	4
Г.Селезнев	6	3	4	4	3	3	3
Б. Немцов	4	3	2	3	3	4	3
А. Лебедь	4	2	2	1	1	1	1
И. Хакамада	5	4	3	3	2	2	2
Е.Строев	0	0	0	1	0	1	1

* Включен в списки "доверия" с мая 2000 г.

На протяжении последних четырех лет при выявлении доверия к ведущим политикам позиции "никто не вызывает доверия" и "нет таких" привлекали свыше четверти опрошенных, в среднем — 28%. Это был наиболее частый вариант ответа после президентских выборов 1996 г. Единственное отклонение в этом ряду — популярность Е.Примакова, начавшаяся послекризисной осенью 1998 г. Ее быстрый рост и последующая траектория медленного снижения предвосхищали "феномен Путина". Пик за недолгий допутинский период пришелся на январь—март 1999 г., когда рейтинг Е.Примакова на 2-3% превышал позицию "никто".

Если в конце 80-х — начале 90-х годов большинство считало предоставление всей полноты власти президенту или генеральному секретарю крайне опасным, то сегодня свыше 60% опрошенных считают, что "проблемы, стоящие перед Россией, можно решить только путем сосредоточения власти в одних руках" ("Экспресс", июль 2000 г., N=1600 человек).

Подобной трансформации политического пространства все в большей степени начинает соответствовать и "новое" общераспространенное представление об обществе как чисто электоральной массе населения, лишенном собственных интересов и сил самоорганизации, всего лишь потенциале поддержки высшего руководства, чисто пластичном материале, из которого можно создавать любые требуемые руководству композиции. Дополняет такое представление и очередная демонизируемая фигура "пиаровца" — специалиста, обладающего таинственным технологическим знанием способов манипулирования общественным мнением, но использующего его не для себя, а для целей политика-демагога, распорядителя властных и финансовых ресурсов. Политическая и шире — общественная ситуация стала такой, что проблемы ценностей, целей, альтернативных программ развития сменились рабочими вопросами удержания власти в собственных руках, задачами политтехнологии, обеспечивающей руководству (независимо от того, каково оно) нужную реакцию, максимальную и эффективную поддержку. Дело даже не столько в реальной эффективности всячески рекламирующих себя сотрудников многочисленных центров политических технологий, консалтинга и имиджмейкеров (результативность их, как можно полагать, не столь велика, как они стараются показать), сколько в том, что подобная мифологизация политической сцены принимается обществом, становится — наряду с прочими мифами типа антироссийского заговора западных стран и спецслужб и т.п. — элементом массовой самоидентификации.

Появление такого рода фигур интерпретации означает, что в общественном мнении сложились механизмы редукции сложности, примитивизации политических представлений, обеспечивающие известную устойчивость массовых реакций. Их работа заключается, с одной стороны, в обеспечении переноса неприятных и негативных впечатлений и мнений на фигуры второго ряда, а с другой — разгрузка первого лица от ответственности, своего рода иммунизация его авторитетного статуса. Действует известный по восточным деспотиям принцип султана и главного визиря, которому в случае бунта рубят голову, оставляя первого на недосягаемой высоте положения.

В.Путин занимает высший ранг в любых диагностических вопросах ВЦИОМ, касающихся доверия политикам, институтам, "людям года". Рядом с ним население России не видит никого. На высокий уровень его авторитета не влияют оценки тех или иных практических результатов проводимой им политики, которая по основному набору критериев (достижения во внутренней социальной политике, экономическое развитие, борьба с преступностью, война в Чечне и т.п.) признается теми же респондентами неэффективной и малоудачной.

Это означает, что отношение к В.Путину определено двумя планами. Один план — точка зрения здравого смысла. Это план

критериев, связанных с актуальными и будничными проблемами существования. Так, самая большая доля респондентов на вопрос: "Как Вы относитесь к В.Путину?" отвечает: "Не могу сказать о нем ничего плохого". Такая неэмоциональная реакция является отражением реального, трезвого, отчужденного отношения к государству как к чему-то такому, что не вызывает особых, прежде всего отрицательных, эмоций. Это оптимальное приспособление к неприятному, но без надежд на лучшее, на исполнение обещанного или официально продекларированного и т.п.

Другой план — ценностный, эмоциональный и прагматический. Здесь статус и роль президента получают символический репрезентативный характер персонифицированного лидера нации — решительного, твердого державника, не связанного с коррупцией (чекиста), хотя это не так уж безусловно. Единственное, что вызывает некоторые сомнения у части населения, это связь с "семьей". На укрепление такой символической роли работают и некоторые случайно совпавшие с его появлением обстоятельства: повышение пенсий и выплаты задолженности по зарплате, которые в сознании наиболее зависимых от государства групп связываются с персоной В.Путина.

Таким образом, более внимательный социологический анализ социальной материи, из которой состоит феномен высокого массового доверия президенту, показывает, что его популярность не связана ни с конкретной политической программой, ни с реальными результатами его действий. Поэтому она внутренне лишена позитивности, определенности, устойчивости, которая только и может придаваться связью с длительными, а значит, повседневными массовыми интересами, укорененными в проблемах воспроизводства общества или ведущих его групп. Здесь перед нами другой случай: подобная поддержка выстроена от противного — от неприятия Б.Ельцина, безнадежности в отношении руководства страной и чехарды сменившихся за десять лет правительств, от которых мало что изменилось. Люди устали от непонятной вязкости, заблачивания политической жизни, все больше и больше удаляющейся от повседневных проблем обычных людей и сводящейся к корыстной грызне депутатских или региональных клик и клиентельных группировок. Утрачена вера в возможность существенного поворота к лучшей жизни, под которой понимается не только более обеспеченная, но и более достойная, вызывающая уважение к себе прежде всего тем, что это улучшение связано с реальной работой, подъемом производства, оживлением в экономике и т.п. Сегодня этой системы gratification, этого чувства полноты, самоуважения, растущего достоинства у людей нет. Медленно накапливавшиеся в массе эмоции унижения от своей беспомощности, зависимости, бесперспективности взорвались злобой и местью, когда наконец определился явный враг — чеченские боевики и террористы. Поэтому, в строгом

смысле, авторитет президента создан из пустоты "отрицательных желаний" или, точнее, нежеланий. Поэтому-то на него не оказывает никакого воздействия то силовое поле массовых стремлений и интересов, которое обычно заставляет политиков проводить определенные программные действия, определяющие положение и будущее их самих.

Оставаясь вне этого воздействия, власть может быть занята лишь самой собой, т.е. внутренними интригами и склоками, пусть даже это называется "укреплением государственной вертикали". Лучший пример этого — "война" президента с губернаторами, всевластие и произвол которых на местах президентская администрация пытается ослабить и ограничить. (Эта кампания не могла быть начата без развязывания второй чеченской войны.) Однако в действительности у правительства или в более общем плане — команды В.Путина нет никаких рычагов и инструментов подобного контроля, особенно в бывших национальных регионах. По всем данным опросов ВЦИОМ, население в губерниях гораздо выше оценивает своих губернаторов, чем федеральное правительство. Поэтому, по существу, изменения в этом плане (вывод самих "региональных баронов" и назначения в Совет Федерации их представителей) повлекут за собой нарушение баланса и разделения властей, резкое ослабление высших законодательных органов федеральной власти, прежде всего — Совета Федерации РФ (Госдума и так уже практически полностью подконтрольна администрации В.Путина), а не укрепление "государственной вертикали". Однако центральная исполнительная власть не в состоянии что-либо сделать в регионах как таковых. Опыт с Е.Наздратенко показывает, насколько трудно это сделать даже в кризисных районах, зонах "стихийного" бедствия, не говоря уже об относительно благополучных губерниях и республиках. Всякие попытки такого рода приводят лишь к усилению парцелляции федеративного государства, поскольку на первый план выдвигаются чисто партикулярные проблемы власти, а не универсальные нормы конституции общества. То же самое можно сказать и о несостоявшихся реформах в судебной и правовой сферах.

Персонификация политики (когда действующими силами и фигурами выступают не группы и институты, а лица, обладающие фиксированными позициями в иерархии власти) сопровождается разделением смыслового мира (в публичном языке политиков, в массмедиа, в риторике массовых представлений) по принципу "мы—они", позволяющим подставлять любые значения в каждый из этих элементов двучлена или по необходимости менять оппозицию, сохраняя тождество то в одном, то в другом плане. Важно, что отчужденное "они" может включать и врагов, и предателей, и начальство, и Запад, короче, все, что не "мы". Подобные упрощения психологически разгружают массовое сознание, снимают с акторов

напряжения, вызванные расхождением запросов и их реализации, равно как вытесняют амбивалентность отношения к власти, конституирующую двойное сознание советского человека. Подобный механизм двойного определения блокирует возможности рационализации оценок действия значимого персонажа, применения к нему, в том числе и к В.Путину, универсальных стандартов. "Вина" за его неуспехи переносится на "правительство" (его деятельность не одобряют 46%), "генералов", чиновников-исполнителей и прочих козлов отпущения. Другой пример двойного стандарта — разделение оценок происходящего применительно к "себе" и к "стране", о котором многократно писалось в "Мониторинге".

Начало процессу подобной разгрузки, впрочем, было положено первым российским президентом, который постепенно разрывал связи с немногочисленными, но наиболее квалифицированными группами образованного слоя, чьи интересы бралась представлять наиболее молодая и прозападно ориентированная часть номенклатуры (начиная с Е.Гайдара и его команды), с новыми тогдашними кандидатами в публичные лидеры — А.Шохиним, С.Станкевичем, Ю.Болдыревым и др. Уже тогда "конкурентные" силы и фигуры из области общественного внимания были постепенно удалены.

Их место занимали старые "хозяйственники" — лоббисты и представители важнейших отраслей, которые получили значительную автономию, поскольку стали либо могущественными сырьевыми экспортерами, либо естественными государственными или полугосударственными монополистами, от которых зависит функционирование других отраслей и сфер жизни. Одновременно возникли группы влияния, обеспечивающие самосохранение центральной власти и связанные с соответствующими ведомствами и институтами (А.Коржаков, Н.Барсуков, С.Степашин, В.Ерин, А.Куликов и др). В любом случае это были не публичные политики. Еще одной категорией "новопризванных" можно считать новую генерацию чиновников, возникшую из таких структур, как администрация президента и его управление делами, а также ФСБ или армия.

Но еще до того произошла резко негативная переоценка деятельности "реформаторов" общественным мнением, СМИ, политиками из высших эшелонов власти. Так оформились химерические двойники отсутствовавших в реальности публичных политиков, которые были названы "мафией", закулисными "олигархами", "семьей" и пр. Это не единичный случай или не частная реакция общественного мнения на те или иные фигуры и обстоятельства общественной жизни, а готовность массовой культуры определить любую независимую от государственной власти активность и сферу деятельности в исключительно отрицательных категориях¹.

¹ Таково, например, отношение к "кооператорам", спекулянтам, торгашам, ликвидировавшим товарный голод в стране, затем — к "демократам" и "реформаторам", разворовавшим страну, продавшимся Западу, и т.п.

Вместе с переоценкой реформаторов, отказом от соответствующих позитивных ориентиров ("нормальное общество") и систем координат, надежд и моральных поощрений, стимулов начался процесс не просто традиционализации (мифологической идеализации прошлого), но ценностного понижения настоящего, примирения с невозможностью рафинирования и облагораживания настоящего, быта, повседневных отношений. Состояние дезориентированности повлекло за собой усиление пассивной адаптации, снижение запросов и критериев оценки настоящего. Важнейшая черта или предпосылка этого снижения — рутинизация негативности, массовая установка на то, что "все плохо". Причем именно предвзятость и неизбирательность этой установки свидетельствуют о ее не эмпирическом, а ценностном характере. Негативизм может относиться и к продуктам потребления, и к явлениям внешнеполитической сферы, и к самоощущениям частного человека. Например, почти две трети (64%) опрошенных уже забыли о сравнительно недавнем тотальном дефиците товаров и продуктов и уверены, что "сегодня в России все чаще приходится сталкиваться с некачественными товарами" (с ними не согласны всего 22%). Свыше половины респондентов (54%) полагают, что "у России есть основания опасаться стран, входящих в НАТО" (что таких оснований нет, считают лишь 32%). Собственный комплекс неполноценности (смесь завышенных самооценок и дефицит признания со стороны других, неадекватность запросов и восприятия себя реальному положению дел и уровню достижений) переносится на страну в целом и ее положение в мире, отношения с другими странами.

Сами по себе эти негативные установки выражены тем сильнее, чем меньше социальные ресурсы респондента, т.е. основания для индивидуального самоуважения в связи с активностью, интенсивностью работы или иного достижения, предполагающего высокий доход, общественное признание и т.п. Данные наших исследований отчетливо показывают, как распределено ущемленное и подозрительное сознание в обществе в связи с достатком и имеющимися социальными возможностями. Социальный рессантимент концентрируется в наиболее пассивных и лишенных ресурсов группах. Однако причины такого положения опрошенными воспринимаются как связанные не с собственными характеристиками индивида, а с внешними обстоятельствами, т.е. тем самым входят в структуру массовой социальной идентичности.

Можно сказать, что потенциальные возможности институциональных изменений ("реформ") заморожены самой пассивностью человеческого материала, привычкой приспосабливаться к постоянному давлению власти, подавлением социального воображения и мотивации, воли к изменению условий своего частного существования.

"Драма" российского общества заключается в том, что при всем Недовольстве своим положением в массе своей люди не хотят жить

иначе, пусть и лучше, но иначе, чем они привыкли до сих пор. В среднем за годы действия программы "Мониторинг" (1993-2001 гг.) чуть больше 50% опрошенных оценивали как "плохое" и "очень плохое" материальное положение своей семьи и 72% — экономическое положение страны. 52% не верили, что в их положении в ближайшем будущем что-нибудь изменится к лучшему. Абсолютное большинство опрошенных соглашались с тем, что "лучше бы все оставалось так, как оно было до 1985 г.", хотя и не верили в то, что это возможно.

Причины такого положения дел заключаются в том, что параметры "благополучия" не связаны с личной интенсивностью достижений или с результативностью предпринимаемых усилий. Возможны два варианта объяснений этого обстоятельства: 1) предпринимаемые весьма значительные усилия в целом недостаточны для того, чтобы обеспечить соответствующие ожиданиям стандарты существования; 2) нормативные представления о том, что положено каждому, связаны не с работой, а с положением индивида в иерархической системе.

Скорее всего, значимы оба фактора, но их функциональная роль или "вес" различны для разных социальных категорий. О первом — нерационализированной системе связей повседневности и государственных институтов — уже говорилось (нет упорядоченных институциональных условий для нормативной графикации достижения, институциональных гарантий или поддержки личных усилий, систематического повышения интенсивности личных усилий). Сложнее обстоит дело с пониманием второго фактора — источников и характера установления или введения норм того, что "положено". Система референций для общества в целом задана не высоко-статусными группами (элитой или самыми обеспеченными категориями номенклатуры, аристократией и т.п., поскольку в советское время образ жизни этих или аналогичных высших категорий в иерархии статусов был практически неизвестен, засекречен и выведен из публичной сферы), а промышленными квалифицированными рабочими, представлявшими собой нормативный социально-антропологический эталон человека. Рабочие в системе координат советского и постсоветского общества играют функциональную роль своеобразного аналога "среднего класса", но с существенной поправкой. В современных промышленных или постиндустриальных обществах средний класс действительно является средним и в статистическом, и в идентификационном смысле: его благополучие связано не с наследуемым богатством или статусом, а с собственными индивидуальными достижениями, т.е. с характером труда, профессией, обеспечиваемой длительным образованием и собственными усилиями. У нас же речь идет о понижающей идентификационной матрице для других, в том числе и более образованных или более обеспеченных групп. Мы не затрагиваем здесь вопрос о

том, какова природа этой идентификации (каковы характер и степень обязательности ее предписаний), важно, что базу тех или иных социальных представлений образуют сложные системы соотнесения с "рабочим человеком" и его запросами, оценками, этикой, кругозором и пр. Все остальное считалось как бы от лукавого, избыточным, лишним или недостаточным, неполноценным (если речь шла о более низких группах).

На этот эффект образцовости указывает одно значимое обстоятельство в данных наших опросов. Как правило, средние значения в распределении ответов респондентов совпадают с ответами квалифицированных рабочих. Причем эти совпадения не ограничиваются отдельными предметами или сферами общественного мнения. Здесь и такие вопросы, как удовлетворенность работой, вероятность поимки преступников-террористов, предпочтения в системе информационно-го потребления или мнения о положении России в современном мире.

Разумеется, это наблюдение не может быть подтверждено абсолютно во всех случаях. Оно значимо скорее как тенденция, проявляющаяся примерно в пяти—семи случаях из десяти. В зависимости от ценностного контекста или определенных смещений фокусы "совпадения со средними величинами" могут приходиться и на категории, близкие к рабочим, — технических служащих без специального образования, пенсионеров, работников торговли и других. Здесь важно не 100%-ное совпадение, а характер колебаний вокруг ответов респондентов данной группы. Можно было бы полагать, что здесь действует чисто статистический эффект, но рабочие, тем более — квалифицированные, не составляют самой большой категории опрошенных (в "Мониторинге" в последние годы они составляют 13-14%; самая многочисленная социально-демографическая когорта — это пенсионеры — 37%).

Было бы совершенно неверным утверждать, что рабочие выступают в роли "элиты", т.е. задают новые образцы, играют роль авторитетного источника мнений, к которым прислушиваются другие группы в обществе. Идентификационная социодрама здесь несколько сложнее — "средний человек", "нормальный мужик", согласно общественному мнению в России, на которого ориентируются другие группы, совпадает с идеологическим и культурным "рабочим". Это рост российского человека как такового, вмняемые рабочим и обществу стандарты потребления, запросы, ориентиры, базовые схемы понимания реальности и системы ориентации. Естественно (социологу это понятно), что они вырабатываются, привносятся в массовое сознание специализированными группами, задаются институтами и в той или иной мере добровольно-принудительно принимаются обществом, характеризующимся жесткой репрессивной системой регуляции, планово-распределительной и милитаризированной экономикой, однопартийной системой, ограничением мобильности, недостижимой трудовой этикой и т.п. Короче говоря, эти представления

соответствуют иерархически-бюрократизированному социальному устройству. Можно сказать, что такого рода антропологические модели соответствуют обществу, не вышедшему из фазы первичной индустриализации, непреодоленной в социальном и культурном планах форсированной и милитаризированной модернизации, проводимой жестко организованной бюрократической системой.

То, что именно промышленные квалифицированные рабочие (тип "государственно зависимого работника", по определению В.Заславского) стали "российским средним классом", вовсе не случайно — рабочие крупных государственных предприятий наиболее близки по характеру образования к средним показателям в стране (среднее специальное образование), социальному положению в системах нерыночного плана — доходам при наличии строго тарифицированной ставки и отсутствии свободного рынка труда, ограниченной интенсивности труда и социальной мобильности, соответственно, строго контролируемых параметрах потребления и его роста. Двухкомнатная квартира, шесть соток и летний щитовой домик на садовом участке, в лучшем случае — "Жигули" или "Москвич" и т.п. — полупринудительный ассортимент благополучия при соответствующем одобряемом поведении трезвого, хозяйственного, работающего "мужика". Фабрика — имплицитная модель социума в советском и постсоветском сознании, следовательно, отношения внутри нее образуют модуль человеческих отношений и связей. Все другие стандарты поведения воспринимаются как девиантные или нестандартные, таящие в себе угрозу негативных санкций.

Доминирование подобной модели в российском массовом сознании является признаком систематической блокировки модернизации, невозможности легитимной дифференциации в соответствии с собственными усилиями, образованием, инициативой, наследством и пр. Такая модель человека сама по себе — один из способов подавления разнообразия и потенциала образования элит. Более того, именно ее значимость создает внутренние неосознанные и нерационализированные напряжения в обществе, феномены социальной зависти, двойственности и неизбежного лицемерия. Хронический негативный фон возникает, как уже не раз говорилось, не из-за катастрофически ухудшающегося материального положения, а из-за отсутствия легитимной гратификации в условиях, когда резко начали расти представления о стандартах образа жизни.

За несколько лет мониторинговых наблюдений произошли заметные изменения в составе и характеристиках рабочих. Имело место существенное сокращение доли низкоквалифицированных рабочих (особенно в провинции и селе), общий рост уровня образования рабочих, переход квалифицированных рабочих в более старшую возрастную группу (связанный с отсутствием притока молодых из-за непривлекательности профессии и неперспективности подобного социального статуса), определенный рост, а не снижение

доходов и т.п. Изменения социально-демографических показателей других социально-профессиональных категорий не так существенны, как у рабочих. Но и динамика внутри этой категории свидетельствует о стабильности ситуации и ее в определенном смысле тупиковости. "Развивающееся общество", как утверждал Т.Шанин, это — не всегда общество в режиме развития, или словами М.Жванецкого, "ремонт — это не процесс, а состояние".